

УДК 347

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБЪЕКТА ПРОМЫШЛЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ»

В.В. КОЗЛОВСКАЯ
(Белорусский государственный университет, Минск)

Решается актуальная проблема в сфере гражданско-правового регулирования – определение понятия «использование объекта промышленной собственности». Показаны основные доктринальные подходы, спорные и дискутируемые фрагменты белорусского и зарубежного законодательства, тенденции формирования юридической практики в исследуемом направлении. Точки зрения ведущих специалистов сопровождаются авторским комментарием. Дается оценка белорусских реалий на предмет соответствия международным стандартам. Делается убедительный вывод о предпочтительных аспектах законодательства Российской Федерации в сравнении с подходом белорусского законодателя. Особое внимание уделяется недостаточно разработанной проблеме оснований классификации относительно видов использования объектов исключительных прав. Обозначено перспективное научное направление по вопросу соотношения категории субъективного права и законного интереса в сфере интеллектуальной собственности. Дается определение понятию использования объекта промышленной собственности. Приводится обширный библиографический список по обозначенной научной проблематике.

Введение. В законодательстве об интеллектуальной собственности понятие «использование» не получило легального определения. На первый взгляд, в этом нет необходимости: значение слова «использовать» понятно каждому. Однако, по мнению К.И. Скловского, «любое правовое явление должно быть адекватно высказано, чтобы существовать», а «то, что не может быть точно высказано, не может быть юридическим образом осуществлено» [1, с. 114]. Это относится и к рассматриваемому понятию. Расшифровка термина «использование» применительно к объектам промышленной собственности имеет и практическое значение. В частности, в процессе правоприменения, когда устанавливается факт использования объекта промышленной собственности, в том числе при рассмотрении споров о защите исключительных прав.

Основная часть. В общем смысле «использование» – *действие* по значению глагола «использовать», т.е. применение чего-либо или кого-либо в определенных целях [2]. В случае с объектами интеллектуальной, в том числе промышленной собственности, использование зачастую связывают с деятельностью коммерческого характера (экономической эксплуатацией объекта ИС, введением объекта в гражданский оборот) [3, с. 52]. Как известно, целью такой деятельности является извлечение прибыли, следовательно, цель использования объекта исключительных прав – получение дохода.

К примеру, В.А. Дозорцев считал, что право использования состоит «в возможности правообладателя монополично совершать *действия по коммерческой эксплуатации объекта, приносящие имущественные выгоды*, и запрете всем третьим лицам совершать такие действия без разрешения правообладателя» (курсив наш – В. К.) [4, с. 48]. В дальнейшем, трактуя понятие использования применительно к сфере интеллектуальной собственности, ученый пишет: «Использование – это *действия по практическому применению интеллектуального продукта, сведений, воплощенных в материальных носителях или в иной объективной форме (материальные носители не всегда обязательны), а также операции с этим продуктом, включая технологии*» [4, с. 125]. Это определение, несомненно, требует пояснения, что следует понимать под «практическим применением», но автор его не приводит. Однако Н.М. Коршунов, комментируя эту формулировку, предлагает практическим применением называть «всякий случай обращения к «интеллектуальному продукту», необходимый для достижения целей деятельности субъекта, – независимо, предпринимательской или потребительской, предметно-практической или интеллектуальной» [5, с. 47]. Далее исследователь приходит к выводу о том, что использованием следует считать и употребление объекта исключительных прав в товарах, предлагаемых к продаже, и «личное потребление» этого продукта для удовлетворения материальных и культурных потребностей» [5, с. 47].

Мнение не лишено резона, ведь категорией «использование» охватываются самые разные действия по применению результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, а не только связанные с извлечением прибыли.

Так, согласно пункту 1 статьи 983 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК РБ) «*обладателю имущественных прав на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации принадлежит исключительное право правомерного использования этого объекта интеллектуальной собственности по своему усмотрению в любой форме и любым способом*» [6]. То есть цель использования не имеет определяющего значения с формально-юридической точки зрения. Между тем она может выступить главным критерием для разграничения способов использования объектов промышленной собственности, о чем будет сказано ниже.

Отсутствие в законодательстве дефиниции использования объекта исключительных прав налагает на юридическую науку «обязанность» по определению исследуемого понятия. Но учёному, решающему такую задачу, необходимо преодолеть трудность, связанную с тем, что искомое определение должно быть универсальным, т.е. применимым к любому из объектов интеллектуальной собственности. Но, во-первых, эти объекты отличаются по сущности и выполняемым функциям, что оказывает влияние на возможности правообладателей по их использованию. Во-вторых, сферы использования результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, и без того разнообразные, постоянно расширяются. Как следствие, действия по использованию результатов интеллектуального труда обретают новые характеристики, которые должны найти отражение в определении понятия использования.

Возможно, по этой причине в трудах, посвященных исследованию содержания исключительного права, вопрос об определении рассматриваемого понятия, как правило, остается без внимания. И все же в доктрине предложен ряд определений использования объекта интеллектуальной (промышленной) собственности. Прежде чем к ним обратиться, рассмотрим подход, примененный в законодательстве.

Право использования объекта исключительного права (п. 1 ст. 938 ГК РБ) предполагает *использование* объекта *в любой форме и любым способом* [6]. Следовательно, в перечислении всех возможных способов использования объектов промышленной собственности нет необходимости. И технически осуществить это невозможно: сфер использования результатов интеллектуального труда неизмеримо много, неизбежно появление новых.

В законодательстве перечислены *возможные* способы использования объектов исключительных прав. Если мы говорим об объектах промышленной собственности, то способы (виды) их использования указаны: в статье 36 Закона о патентах на изобретения [7]; статье 6 Закона о патентах на сорта растений [8]; статье 16 Закона об охране топологий интегральных микросхем [9]; статье 20 Закона о товарных знаках [10]; статье 13 Закона о географических указаниях [11]. Эти законы в учебной и научной литературе часто называют специальными. Так подчеркивается соотношение норм этих законов с нормами об объектах промышленной собственности, содержащимися в ГК РБ. Для целей настоящего исследования мы также будем использовать этот термин.

Общий подход, примененный в специальных законах, можно охарактеризовать следующим образом. Предусмотрено, что правообладателю (патентообладателю) принадлежит исключительное *право на использование* соответствующего объекта промышленной собственности. Право на использование обозначается в самом общем виде: как «право использовать» (ст. 1013 ГК РБ; ст. 3 Закона о товарных знаках; п. 8 ст. 1 Закона о географических указаниях) [6; 10; 11] либо в сочетании со словами «по своему усмотрению» (ч. 2 п. 1 ст. 8 Закона о патентах на изобретения, ч. 2 ст. 5 Закона об охране топологий интегральных микросхем) [7; 9]. Отдельно для каждого из объектов перечисляются способы использования – конкретные действия, которые по смыслу общей нормы пункта 1 статьи 938 ГК РБ вправе совершать правообладатель, а третьи лица – только с его согласия [6].

Эти действия не являются исчерпывающими. Такой вывод следует из содержания статьи 938 ГК РБ: правообладатель вправе использовать объект исключительных прав *по своему усмотрению любым законным способом* [6]. Но в случае с таким объектом, как сорт растения, статья 6 Закона о патентах на сорта растений однозначно предусматривает закрытый перечень способов использования, которые одновременно названы «действиями, требующими разрешения патентообладателя» [8]. Такое положение предопределено содержанием пункта 1 (а) статьи 14 Международной конвенции по охране новых сортов растений [12]. Очевидно, такой подход обусловлен тем, что иные способы использования не должны иметь юридического значения как не затрагивающие интересов патентообладателя. Насколько оправданна такая позиция – спорный вопрос.

Что касается прав на нераскрытую информацию, то в нормах ГК РБ, посвященных регулированию отношений по поводу этого объекта промышленной собственности (гл. 66 «Право на защиту нераскрытой информации от незаконного использования»), о праве на использование нераскрытой информации речь не идет [6]. Внимание уделено праву на защиту от незаконного использования. Можно сказать, что это обусловлено спецификой данного объекта, поскольку право на защиту существует, пока соблюдаются условия, предусмотренные пунктом 1 статьи 140 ГК РБ (так называемые условия конфиденциальности) [6]. Но все же истинная причина «лаконичности» указанных правовых норм – в их недостаточной разработанности. Подтверждением этому тезису служит тот факт, что в Беларуси в настоящее время ведется работа над проектом Закона «О коммерческой тайне», который в будущем должен урегулировать отношения, возникающие в связи с правовой охраной коммерческой тайны и ее использованием [13]. Сущность и содержание права на нераскрытую информацию является предметом отдельного рассмотрения, поэтому выводы, сделанные нами выше, не будут затрагивать этот объект промышленной собственности.

В литературе высказываются различные суждения о значении перечисления в законодательстве конкретных способов использования объектов исключительных прав. Принято считать, что подобные перечни есть ряд правомочий самого правообладателя в отношении объекта исключительного права. Считается, что путем указания на возможные способы использования раскрывается содержание права на использование, очерчивается круг возможностей правообладателя. Такого мнения, в частности, придерживаются авторы комментария к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) (см. комментарий к ст. 1229 ГК РФ) [14]. Другие исследователи полагают, что перечни способов использо-

вания следует трактовать как ряд действий, на которые требуется согласие правообладателя, что иногда подтверждается указанием на то в законе (как в случае с Законом о патентах на сорта растений, ст. 6) [8]. Третьи – что эти перечни необходимы для случаев, когда решается вопрос, например, о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака в связи с тем, что правообладатель без уважительных причин не использует товарный знак в течение установленного законом срока [15].

Позиция В.О. Калятина, как представляется, объединяет два первых мнения. Исследуя понятие использования в отношении объектов авторского права, ученый сделал выводы, применимые и к объектам промышленной собственности. По его мнению, главная цель указания в законодательстве способов использования – не в исчерпывающем их перечислении, а в том, чтобы на уровне законодательства закрепить «общественно значимые» способы и «обязать потенциального пользователя получать отдельное разрешение автора [правообладателя] на каждый такой вид использования...» [16, с. 29]. То есть в случае возникновения спора о нарушении исключительного права на объект промышленной собственности такое законодательное закрепление призвано облегчить процесс доказывания факта правонарушения. В противном случае суд в каждой конкретной ситуации вынужден определять, имело ли место использование, руководствуясь при этом лишь общим определением права использования и «сложившейся в обществе деловой практикой» [16, с. 29]. Исследователь также обращает внимание на низкую эффективность второго варианта, а также на то, что в странах, законодательству которых свойственен такой подход, доктрина и судебная практика все равно идут по пути выделения конкретных способов использования [16, с. 33].

О правовых нормах, в которых перечислены способы использования объектов промышленной собственности, следует сказать, что формулировки этих норм не совсем отвечают обозначенной выше цели: предусмотреть в законодательстве «общественно значимые» способы использования. Юридико-технический прием изложения этих правовых норм, когда текст нормы содержит словосочетания типа: «использованием считается», «использованием признается» с последующим перечислением конкретных действий, приводит к возникновению коллизии в правопонимании в случае применения этих норм при разрешении споров о защите нарушенных исключительных прав. Подобные словосочетания определенно указывают на то, что именно перечисленные в законе действия признаются использованием соответствующего объекта промышленной собственности, а все другие – нет. Эти нормы при буквальном толковании противоречат пункту 1 статьи 938 ГК РФ (исключительное право использования объекта интеллектуальной собственности по своему усмотрению *в любой форме и любым способом*; использование третьими лицами *допускается только с согласия правообладателя*) [6].

Такая коллизия неизбежно затрудняет применение рассматриваемых норм для защиты нарушенных исключительных прав. К примеру, в случае фактического использования объектов промышленной собственности в сети Интернет (в доменном имени, в гиперссылках и т.д.) третьими лицами без согласия правообладателя возникает вопрос, считать ли использование *de facto* использованием *de jure*? При утвердительном ответе исключительные права следует считать нарушенными. Если же исходить из того, что только указанные в законе действия признаются использованием, то использование в сети Интернет не является нарушением исключительных прав на соответствующий объект. Отметим, что такой способ, как использование в сети Интернет, предусмотрен только в отношении товарных знаков (п. 1 ст. 20 Закона о товарных знаках) [10]. В результате все иные объекты промышленной собственности использовать в сети Интернет не запрещено.

Противоречие можно устранить, переформулировав рассматриваемые нормы так, чтобы было понятно, что речь идет лишь о примерных, о некоторых из возможных, способах использования объектов исключительных прав. Допустим, указать в пункте 1 статьи 20 Закона о товарных знаках: «Использование может осуществляться путем применения товарного знака на товарах,... в глобальной компьютерной сети Интернет, а также другими способами» [10].

Однако существуют случаи, когда такое исчерпывающее перечисление действий, признаваемых использованием, оправданно и даже необходимо. Например, при решении вопроса о досрочном прекращении правовой охраны зарегистрированного товарного знака необходимо установить факт неиспользования товарного знака правообладателем в течение определенного в законе срока. В отношении других объектов промышленной собственности это случаи рассмотрения споров о предоставлении принудительной лицензии при неиспользовании объекта. Для этих целей необходимо *определенно* знать, что признается использованием объекта промышленной собственности. Если ни одно из перечисленных в законе действий правообладатель не совершал, значит, использования не было. Это может служить основанием для прекращения правовой охраны товарного знака, а в отношении других объектов промышленной собственности – предоставления другому лицу права использования на условиях принудительной неисключительной лицензии. В таких случаях перечень действий, охватываемых категорией «использование», должен быть исчерпывающим, и наличие словосочетания «использованием признается» в тексте соответствующих норм (гл. 6 Закона о патентах на изобретения «Использование изобретения, полезной модели, промышленного образца» [7]; гл. V Закона о патентах на сорта растений «Использование охраняемого сорта» [8]; ст. 16 Закона о топологии интегральной микросхемы «Использование топологии» [9]; разд. III Закона о товарных знаках «Использование товарного знака» [10]) полностью отвечает указанным целям. Поэтому прав Д.И. Матвеев, который на основе анализа законодательства о товарных знаках приходит к выводу о том, что в статье 20 Закона о товарных знаках речь идет об использовании не в смысле действий, нарушающих

исключительное право на товарный знак (если они совершаются без согласия правообладателя), а действий, которые правообладатель должен совершить, чтобы избежать досрочного прекращения правовой охраны товарного знака [15]. Этот вывод верен в отношении прочих объектов промышленной собственности, с той лишь разницей, что в качестве последствия неиспользования или недостаточного использования правообладателем изобретения, полезной модели, промышленного образца, сорта растения, топологии интегральной микросхемы законодательством предусмотрена возможность предоставления любому лицу принудительной неисключительной лицензии на использование соответствующего объекта.

Дополнительную сложность в толкование правовых норм привносит то, что в специальных законах, а в ряде случаев и в самом ГК РБ, отдельно для каждого из объектов промышленной собственности оговариваются действия, признаваемые нарушением исключительного права. При этом текст норм содержит словосочетание «нарушением признаются», что дает основание рассматривать такой перечень как исчерпывающий. В результате у суда зачастую отсутствует ясное понимание того, что следует считать нарушением.

Рассмотрим эту ситуацию на примере товарных знаков, используемых в доменных именах в сети Интернет. Вот что пишет судья Верховного Суда Республики Беларусь Р.В. Козорезова: «Законодательство, регулирующее отношения по использованию объектов интеллектуальной собственности, не дает однозначного ответа на вопрос, являются ли нарушением права владельца товарного знака регистрация и использование доменного имени, содержащего обозначение, сходное или идентичное товарному знаку» [17, с. 55]. К такому первоначальному выводу Р.В. Козорезова приходит исходя из того, что в Законе о товарных знаках указанные действия не названы в числе тех, которые признаются нарушением прав на товарный знак. И далее рассуждает: «Поскольку указанная норма [ст. 3 Закона о товарных знаках] не содержит исчерпывающего (закрытого) перечня возможных видов использования товарного знака, использование товарного знака... в доменном имени и при других способах адресации в сети Интернет можно считать иным введением в гражданский оборот товарного знака. Следовательно, отсутствие в статье 3 Закона о товарных знаках указания, что использование в доменном имени чужого товарного знака является нарушением прав владельца товарного знака, не может являться основанием для отказа в защите права на товарный знак» [17, с. 55].

Последний вывод является следствием не правила пункта 3 статьи 3 Закона о товарных знаках, а общей для всех объектов интеллектуальной собственности нормы пункта 1 статьи 938 ГК РБ, которая гласит: любое использование объекта интеллектуальной собственности третьими лицами без согласия правообладателя не допускается [6]. По нашему мнению, это норма прямого действия, и она подлежит применению всякий раз при разрешении спора о защите нарушенных исключительных прав. Игнорировать ее в пользу норм Закона о товарных знаках нельзя, так как нормы ГК РБ по юридической силе выше норм специальных законов, регулирующих те же отношения.

Исключения из правил пункта 1 статьи 938 ГК РБ составляют предусмотренные в законодательстве случаи *ограничения исключительных прав*, в том числе путем предоставления возможности другим лицам использовать объект интеллектуальной (промышленной) собственности без согласия правообладателя, о чем говорит пункт 3 статьи 938 ГК РБ [6]. Например, допускается свободное использование зарегистрированного товарного знака (т.е. без согласия владельца такого знака) в отношении товаров, которые были введены в гражданский оборот в Республике Беларусь непосредственно владельцем товарного знака или с его согласия (так называемое исчерпание прав). В иных случаях любое использование без согласия правообладателя следует признавать нарушением исключительного права на товарный знак независимо от наличия (отсутствия) в законодательстве специальной оговорки об этом.

Анализ немногочисленной практики рассмотрения в Беларуси споров о защите прав на средства индивидуализации, используемые в сети Интернет (см. [18; 19]), показывает, что суд при вынесении решения ссылаясь, в том числе, на нормы пункта 1 статьи 20, пункта 3 статьи 3 Закона о товарных знаках (в отношении товарных знаков), статьи 139, статьи 1015 ГК РБ, толкуя их расширительно и применяя к случаям использования средств индивидуализации в сети Интернет [10; 6]. В результате требования истца (правообладателя) о прекращении нарушения исключительных прав на средства индивидуализации были удовлетворены. Но сомнения, высказанные судьей Р.В. Козорезовой, свидетельствуют о том, что действующее законодательство в сфере промышленной собственности требует доработки.

Нормы Гражданского кодекса Российской Федерации сформулированы иначе. В ГК РФ нет положений, подобных нормам белорусского законодательства, определяющих, что следует признавать нарушением исключительных прав. Это не нужно, так как общей нормой для всех объектов интеллектуальной собственности (ч. 3 п. 1 ст. 1229 ГК РФ) определено: «Другие лица не могут использовать соответствующие результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации без согласия правообладателя, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Кодексом. Использование результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации (в том числе их использование способами, предусмотренными настоящим Кодексом), если такое использование осуществляется без согласия правообладателя, является незаконным и влечет ответственность, установленную настоящим Кодексом, другими законами, за исключением случаев, когда использование результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации лицами иными, чем правообладатель, без его согласия допускается настоящим Кодексом» (курсив и подчеркивание наши. – В. К.) [20]. Ясно, во-первых, что любое использование объекта исключительного права без согласия правообладателя само по себе является

нарушением этого права (и чтобы это определить, не требуется ссылаться на перечень конкретных действий, признаваемых нарушением); во-вторых, правообладатель наделен исключительным правом использования объекта *любым не противоречащим закону способом, в том числе способами*, указанными в статьях, посвященных исключительному праву на соответствующие виды объектов промышленной собственности (см. ст. 1270, 1317, 1324, 1330, 1334, 1339, 1358, 1405, 1421, 1454, 1466, 1474, 1484, 1519, 1539 ГК РФ) [20].

Положения российского законодательства предоставляют больше возможностей для защиты нарушенных исключительных прав в сравнении с гражданским законодательством Беларуси, требующим изменений. *Во-первых*, следует исключить из текста ГК и специальных законов положения, определяющие действия, признаваемые нарушением исключительных прав на объекты промышленной собственности. Как было сказано, наличие такого указания вводит в заблуждение, создавая впечатление, что только перечисленные в законе действия следует считать нарушением, а это не так. *Во-вторых*, относительно норм, определяющих порядок использования каждого из объектов промышленной собственности, необходима оговорка о том, что они подлежат применению в случаях, когда правообладатель не использует или недостаточно использует объект исключительных прав (о последствиях этого говорилось выше). *В-третьих*, необходимо конкретно обозначить действия, не являющиеся нарушением исключительного права на объект промышленной собственности. Правообладатель будет четко понимать, какие действия он не вправе запретить третьим лицам, т.е. в каких случаях объект промышленной собственности может использоваться с согласия правообладателя. Это внесет ясность в содержание правовых норм, приведет к их систематизации, сделает текст законодательных актов более четким, понятным, емким, а также повысит эффективность правовой охраны исключительных прав в их ненарушенном состоянии и эффективность защиты – в случае их нарушения.

В российской юридической литературе указывается также и на необходимость перехода от простого «пообъектного» перечисления в законодательстве вариантов использования к выработке системы (или классификации) способов использования (см. [3, с. 105; 16, с. 33]), и даже к формулированию единого для всех объектов интеллектуальной собственности понятия права использования как элемента исключительного права [3, с. 105]. Любая классификация должна проводиться по единым основаниям (критериям). Следуя этой рекомендации, нужно выделить некий признак, свойственный любому действию по использованию объекта исключительных прав, и по этому признаку провести разграничение всех возможных действий (видов использования).

Попытка определить общий признак действий, фактически являющихся использованием объекта исключительного права, предпринята А.С. Аникиным. Суть его исследований заключается в следующем. В содержании исключительного права ученый выделяет три группы правовых возможностей (называет их «*правомочиями*»). Они следующие: 1) правомочие на действия с объектом права; 2) правомочие требования;

3) правомочие на распоряжение исключительным правом [21, с. 7]. Каждое из перечисленных правомочий состоит из элементов – «*субправомочий*». *Субправомочие использования* относится к первой группе и представляет собой *действия с объектом права*. В таком контексте А.С. Аникин дает определение правомочию использования объекта исключительного права. Это «юридическое обеспечение возможностей правообладателя совершать с объектом права следующие действия, направленные на удовлетворение его интересов:

- *по воспроизведению* (воссозданию в любой материальной или иной объективной форме) или *по воплощению* (приданию материальной или иной объективной формы) *объекта* (относительно результатов интеллектуальной деятельности);

- *по применению объекта*, т.е. извлечению естественных свойств (относительно объектов патентного права и ноу-хау и средств индивидуализации), а также подготовительных к применению объекта действий (для средств индивидуализации);

- *по введению объекта в гражданский оборот*, т.е. по предоставлению объекта для применения иным лицам, а также подготовительных к такому введению объекта в оборот действий (для результатов интеллектуальной деятельности);

- *по предоставлению разрешения на использование объекта*» [21, с. 19].

Таким образом, все возможные действия с объектом исключительного права разделены на четыре группы (виды использования). Автор не называет основания проведенной классификации. Возможно, с учетом того, как сформулировано это определение, действия с объектом исключительного права разграничиваются в зависимости от интереса, удовлетворяемого в результате совершения таких действий.

Разделение на виды использования возможно и по иным основаниям: в зависимости от объекта, субъекта, сферы использования и пр. Такие классификации помогают углубить знания об изучаемом явлении, «раскрыть особенности правового режима определенных видов использования» [16, с. 21]. Однако классификация в зависимости от удовлетворяемого интереса имеет особое значение потому, что категории «субъективное право» и «законный интерес», как отмечается в литературе, находят в тесной взаимосвязи и взаимодействии, выступая «определенными уровнями стремлений личности» [22, с. 132]. Если взять за основу концепцию, согласно которой интерес формирует цели и мотивы поведения субъекта (см. [23, с. 18]), то интерес (к чему лицо стремится, чего хочет достичь), несомненно, будет главным основанием для классификации действий по использованию объектов исключительных прав.

Объем настоящего раздела не позволяет дать полное описание существующей в юридической науке проблемы соотношения категорий субъективного права и законного интереса. К настоящему моменту существует несколько концепций, в рамках которых субъективное право рассматривается как «средство удовлетворения или средство защиты интереса, а интерес – как элемент содержания субъективного гражданского права» [23, с. 18]. Интерес как предпосылка возникновения и цель осуществления субъективного гражданского права составляет предмет научных исследований последнего десятилетия (см. например, [23 – 28]). Не станем перечислять выявленные на доктринальном уровне общие и отличительные черты субъективного права и законного интереса. В качестве обобщения приведем слова А.Н. Пугачева по этой проблеме: «... Законный интерес в отличие от субъективного права есть *простая правовая дозволенность*, имеющая характер стремления, в которой отсутствует указание действовать строго зафиксированным в законе образом и требовать соответствующего поведения от других лиц и которая не обеспечена конкретной правовой обязанностью. Можно сказать, что субъективное право отличается от законного интереса возможностью потребовать, т.е. своеобразной властью, присущей управомоченному лицу» [22, с. 133]. Если учесть, что интерес зачастую определяют еще и как цель, потребность субъекта [29, с. 115; 30, с. 140], получается, что цель достигается посредством осуществления субъективного права. Таким образом, субъективное право и законный интерес взаимообусловлены: интерес задает «направленность» субъективному праву (определяет объект права – благо, удовлетворяющее интерес), право же, точнее, его осуществление, позволяет достичь желаемого – удовлетворить интерес.

Следует помнить, что целью правового регулирования отношений в сфере интеллектуальной собственности является согласованность интересов авторов и правообладателей, с одной стороны, и лиц, использующих результаты интеллектуального труда, – с другой. Проявление этого принципа И.А. Блинец характеризует так: «Вдохновение плодотворно, когда оно хорошо организовано и своевременно оплачено, поэтому право интеллектуальной собственности в своей основе является юридическим выражением осознания государством важности культуры и прогресса для сохранения и развития общества». И далее: «Поскольку все побеждают только тогда, когда полной победы никто не одерживает, при создании "юридической оболочки", законодательного обеспечения интеллектуальной собственности всегда широко применялся метод уступок: чтобы каждый что-то выиграл, каждый должен в чем-то уступить» [31].

Поиск баланса интересов правообладателей и пользователей приводит к необходимости нормативного закрепления ограничений при осуществлении исключительного права, в нашем случае – к определению случаев свободного использования объектов промышленной собственности, а также к установлению пределов осуществления исключительного права. Следовательно, проблема легального определения понятия «использование объекта (интеллектуальной) промышленной собственности» должна быть рассмотрена также в ракурсе установленных законом ограничений исключительных прав (случаев использования объекта промышленной собственности без согласия правообладателя). Однако этот вопрос является предметом исследования в рамках отдельного раздела диссертации.

Таким образом, Аникин трактует право использования как правомочие (элемент) в составе исключительного права (субъективного гражданского права). Определение, предложенное А.С. Аникиным, восходит к концепции, согласно которой *любое* субъективное гражданское право понимается как совокупность поведенческих возможностей, обеспеченных обязанностями других лиц. Такой взгляд отражен в трудах таких ученых, как Н.Г. Александров [32], Ю.Н. Андреев [24], Н.В. Витрук [33], Н.И. Матузов [34] и др. Они рассматривали субъективное гражданское право более широко, нежели просто как «меру дозволенного поведения». Применительно к сфере исключительных прав этот подход был обоснован Г.Ф. Шершеневичем, по словам которого, исключительное право представляет собой «юридическую возможность совершения известного рода действий с устранением всех прочих от подражания» [35, с. 58]. Развивая эту мысль, А.С. Аникин предлагает свое определение права использования объекта исключительных прав с указанием набора абстрактных действий, составляющих использование. При этом категорию использования исследователь рассматривает в традиционном для цивилистики ракурсе: «с позитивной стороны – как определенные действия, совершаемые обладателем исключительного права с объектом своего права, опосредуемые соответствующим правомочием, а также с негативной стороны – как действия, запрещенные к совершению для обязанной в исключительном правоотношении стороны (неправомерное использование) [3, с. 101 – 102].

Иную позицию занимает О.А. Городов. Категорию использования ученый трактует двояко: в первом случае – как «факт применения соответствующей идеи либо информации при воплощении их в материальном носителе» (такие действия можно определить как операции по приданию объективной (материальной) формы идеальному результату интеллектуальной деятельности (см. [4, с. 291]); во втором – как факт применения уже самого материального объекта, в котором были реализованы произведение, изобретение, товарный знак и проч. [36, с. 18]. Очевидно, сюда относятся и случаи потребления в личных, бытовых целях. В связи с этим для обеспечения интересов и правообладателей, и пользователей важно определить в законодательстве такое «использование», которое правообладатель запретить не вправе (т.е. исчерпывающие случаи свободного использования). Но возможно ли, чтобы было выработано единое, универсальное определение, способное вобрать в себя все характеристики изучаемого явления? Приведем мнение Н.А. Богдановой о том, что «один изучаемый объект может иметь множество определений, раскрывающих разные стороны понятия, но отразить всё богатство содержания последне-

го, раскрыть все его связи и отношения они не могут, поэтому всегда являются относительными. Такова диалектика соотношения понятий и их определений» [37, с. 152].

У исследуемого понятия может быть сколь угодно много определений. Полагаем, под **использованием объекта промышленной собственности** следует понимать **действия**, направленные на удовлетворение интересов правообладателя и являющиеся: воспроизведением или воплощением объекта; применением объекта или подготовкой к применению; введением объекта в гражданский оборот или подготовкой к этому; предоставлением разрешения на использование объекта.

Заключение. Как можно убедиться, проблематика исследования во многом осложнена многозначностью термина «использование объекта промышленной собственности». В зависимости от цели правового регулирования и методики исследования такое правовое явление, как использование объекта промышленной собственности, в доктрине, законодательстве и практике понимается в значении: правомочия в составе исключительного права; юридического факта; ограничения исключительного права на объект промышленной собственности. При этом любое определение исследуемого понятия будет неполным и относительным, так как в силу указанных причин не может охватить всего многообразия различных его свойств, признаков, связей. Но каждое определение хотя бы в краткой форме призвано отразить наиболее общие, основные черты этого многогранного явления, ведь вопрос о том, что есть использование объекта исключительных прав – исходный в спорах о защите этих прав.

ЛИТЕРАТУРА

1. Скловский, К.И. Собственность в гражданском праве: учеб.-практ. пособие / К.И. Скловский. – 2-е изд. – М.: Дело, 2000. – 512 с.
2. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. чл.-кор. АН СССР О.Н. Трубачева; под ред. и с предисл. проф. Б.А. Ларина. – 2-е изд., стереотип. – М.: Прогресс, 1986. Т. I – IV // etymolog.ruslang.ru. Этимология и история слов русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=contents&book=vasmer>. – Дата доступа: 11.06.2012.
3. Аникин, А.С. Содержание и осуществление исключительных прав: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / А.С. Аникин; Рос. экон. акад. – М., 2008. – 239 с.
4. Дозорцев, В.А. Интеллектуальные права: Понятие; Система; Задачи кодификации: сб. ст. / В.А. Дозорцев // Исследовательский центр частного права. – М.: Статут, 2003. – 416 с.
5. Коршунов, Н.М. Результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации (интеллектуальная собственность) как объекты гражданского права / Н.М. Коршунов // Интеллектуальная собственность (Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации): учеб. пособие; под общ. ред. Н.М. Коршунова. – М.: НОРМА, 2009. – Гл. 1. – С. 15 – 87.
6. Гражданский кодекс Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 7 дек. 1998 г. № 218-3 // Ведомости Нац. собрания Респ. Беларусь. – 1999. – № 7 – 9. – Ст. 101: с изм. и доп.: Закон Респ. Беларусь, 3 июля 2011 г. № 285-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2011. – № 78, 2/1837.
7. О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы: Закон Респ. Беларусь, 16 дек. 2002 г. № 160-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2003. – № 1, 2/909; с изм. и доп.: Закон Респ. Беларусь, 22 дек. 2011 г. № 328-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2012. – № 2, 2/1880.
8. О патентах на сорта растений: Закон Респ. Беларусь, 13 апреля 1995 г. № 3725-ХП // Звезда. – 1995. – 18 мая; с изм. и доп.: Закон Респ. Беларусь, 7 мая 2007 г. № 211-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2007. – № 118, 2/1308.
9. О правовой охране топологий интегральных микросхем: Закон Респ. Беларусь, 7 дек. 1998 г. № 214-3 // Ведомости Нац. сходу Респ. Беларусь. – 1999. – № 1. – Ст. 3: с изм. и доп.: Закон Респ. Беларусь, 7 мая 2007 г. № 211-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2007. – № 118, 2/1308.
10. О товарных знаках и знаках обслуживания: Закон Респ. Беларусь, 5 февр. 1993 г. № 2181-ХП // Звезда. – 1993. – 3 апреля; с изм. и доп.: Закон Респ. Беларусь, 7 мая 2007 г. № 211-3 // Нац. реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2007. – № 118, 2/1308.
11. О географических указаниях: Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2002 г. № 27-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2002. – № 84. – 2/876: с изм. и доп.: Закон Респ. Беларусь, 29 окт. 2004 г. № 319-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2004. – № 174, 2/1068.
12. Международная конвенция по охране новых сортов растений: Конвенция, 2 декабря 1961 г., вступила в силу для Респ. Беларусь 5 января 2003 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2003. – № 3/568.
13. О коммерческой тайне: Проект Закона Респ. Беларусь // Нац. центр интел. собственности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.belgospatent.org.by/russian/docs/proekt_com_t.doc. – Дата доступа: 21.09.2012.
14. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части четвертой (постат.) / отв. ред. Л.А. Трахтенгерц. – М.: ИНФРА-М, КОНТРАКТ, 2009. – 812 с.
15. Матвеев, Д.И. Использование товарного знака в доменном имени / Д.И. Матвеев // Промышленно-торговое право // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юр-Спектр». – Минск, 2012.

16. Калятин, В.О. Право использования произведения: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. / В.О. Калятин. – М., 1999. – 188 с.
17. Козорезова, Р.В. Защита прав на средства индивидуализации в случае их незаконного использования в доменном имени / Р.В. Козорезова // Промышленно-торговое право. – 2010. – № 2(88). – С. 53 – 63.
18. Решения Судебной коллегии Верховного Суда Республики Беларусь по делам интеллектуальной собственности // Судовы Веснік. – 2009. – № 1. – С. 35 – 39.
19. Решения Судебной коллегии Верховного Суда Республики Беларусь по делам интеллектуальной собственности // Судовы Веснік. – 2010. – № 4. – С. 39 – 41.
20. Гражданский кодекс Российской Федерации: Часть четвертая: Федеральный закон, 18 декабря 2006 г. № 231-ФЗ // Российская газета. – 2006 – 22 дек. – № 289: с изм. и доп.: Федеральный закон, 5 июня 2012 г. № 51-ФЗ.
21. Аникин, А.С. Содержание и осуществление исключительных прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / А.С. Аникин; Рос. экон. акад. – М., 2008. – 26 с.
22. Пугачев, А.Н. Конституционное право: учеб.-метод. компл. для студентов юрид. спец.: в 3 ч. Ч. 1: в 2 кн. / А.Н. Пугачев, И.В. Вегера. – Новополоцк: ПГУ, 2009. – Кн. 1. – 364 с.
23. Дерюгина, Т.В. Теоретические проблемы в сфере осуществления субъективных гражданских прав: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / Т.В. Дерюгина. – Волгоград, 2010. – 38 с.
24. Андреев, Ю.Н. Механизм гражданско-правовой защиты / Ю.Н. Андреев. – М.: Норма, Инфра-М, 2010. – 464 с.
25. Кархалев, Д.Н. Охранительное гражданское правоотношение / Д.Н. Кархалев. – М.: Статут, 2009. – 332 с.
26. Вавилин, Е.В. Осуществление и защита гражданских прав / Е.В. Вавилин. – М.: Волтерс Клувер. – 2009. – 225 с.
27. Малько, А.В. Законные интересы как правовая категория / А.В. Малько, В.В. Субочев. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – 359 с.
28. Власова, А.В. Структура субъективного гражданского права / А.В. Власова. – Ярославль: ЯрГУ им. П.Г. Демидова, 1998. – 115 с.
29. Дедов, Д.И. Соразмерность ограничения свободы предпринимательства / Д.И. Дедов. – М.: Юристь, 2002. – 187 с.
30. Крашенинников, Е.А. Интерес и субъективное гражданское право / Е.А. Крашенинников // Правоведение. – 2000. – № 3. – С. 133 – 141.
31. Близнац, И.А. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации (Теоретико-правовое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / И.А. Близнац. – М., 2003. – 381 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://diss.rsl.ruAiiiss/03/0802/030802035.pdf>. – Дата доступа: 02.08.2012.
32. Александров, Н.Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма / Н.Г. Александров. – М.: Госюриздат, 1961. – 271 с.
33. Витрук, Н.В. Общая теория правового положения личности / Н.В. Витрук. – М.: Норма, 2008. – 448 с.
34. Матузов, Н.И. Личность. Права. Демократия (Теоретические проблемы субъективного права) / Н.И. Матузов. – Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та, 1972. – 294 с.
35. Шершеневич, Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.) / Г.Ф. Шершеневич; вступ. ст. Е.А. Суханов. – М.: Фирма «СПАРК», 1995. – 556 с.
36. Городов, О.А. Интеллектуальная собственность: правовые аспекты коммерческого использования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.04 / О.А. Городов. – СПб.: С-Петербург. гос. ун-т, 1999. – 33 с.
37. Богданова, Н.А. Система науки конституционного права / Н.А. Богданова. – М.: Юристь, 2001. – 256 с.

Поступила 23.08.2012

DEFINITION OF THE NOTION “USAGE OF THE OBJECT OF INDUSTRIAL PROPERTY”

V. KOZLOVSKAYA

The actual problem in the sphere of civil-law regulation – definition of the notion “use of object of industrial property” is solved. The main doctrinal approaches, disputable and discussed fragments of the Belarusian and foreign legislation, trends shaping legal practice in the study area are shown. The points of view of leading experts are accompanied by the author's comment with the instruction on strongly and poorly reasoned positions. The assessment of the Belarusian realities about compliance to the international standards is given. The convincing conclusion about preferable aspects of the legislation of the Russian Federation in comparison with an approach of the Belarusian legislator is drawn. Special attention is given to a poorly developed problem of the bases of classification concerning types of use of objects of exclusive rights. The perspective scientific direction concerning the ratio of categories of the subjective right and legitimate interest in the sphere of intellectual property is designated. Definition is made of concept of use of object of industrial property. Extensive bibliography on the designated scientific perspective is given.